

Картинки Анатолия Александровича

«ХОРОШО. НО НЕ ПОЙДЕТ!»

Культура. — 1994. — 2 июля. — С. 5.

В этой квартире множество интересных вещей. И все они сделаны руками хозяина, народного артиста России Анатолия Александровича КАЦЫНСКОГО. Картины, написанные акварелью и маслом, карандашные рисунки, глиняные скульптуры, поделки из дерева. А на стене, над письменным столом, среди фотографий разных знаменитостей с дарственными надписями, шаржи, выполненные тушью на бумаге.

— Тоже ваша работа, Анатолий Александрович? Тогда проведите «экскурсию» по этой выставке.

— А разве нужны объяснения? Вот Ю. Борисова — это даже не шарж, скорее — просто рисунок. Вот Евгений Рубенович Симонов — человек поэтического восприятия жизни, М. Ульянов — сильный, Ю. Яковлев — печальный, П. Фоменко — целеустремленный, В. Лановой — волевой, В. Шалевич — ироничный...

— После окончания Щукинского училища вот уже 50 лет вы неразлучны с одним и тем же театром.

— С ним невозможно разлучиться. Это ведь не только театр, это целое понятие. Както Вахтангов сказал, что актеры соприкасаются с искусством, значит, люди они особенные. А вахтанговцы — люди уж и вовсе особого полета. Уходя со сцены, они не снимают фрак, они и в быту — «во фраке», у них во всем чувствуются порода, вкус.

— Я уже понял, что перед вахтанговцами старой школы вы преклоняетесь. А Шалепин — тоже ваш кумир! Вон он там, с мефистофельской улыбкой...

— Шалепина я начал лепить после одного незабываемого вечера в музее Бахрушина. Посередине зала стоял его портрет, во весь рост, с пластинок звучал его голос, а после исполнения люди долго аплодировали, будто надеялись, что произойдет чудо и он появится. Я вернулся домой и лепил его весь вечер и всю ночь.

А вообще я встречаю всех, кто приезжает ко мне на дачу, на перроне с пилой в руках! И по дороге мы отпиливаем какую-нибудь корягу с поваленного или сломанного дерева. А потом, когда гость приезжает снова, он увозит домой уже готовый подарок из той самой, «своей» коряги.

— Но мы сейчас не на даче. Анатолий Александрович, а подарок увезти все же хочется. Угостите нас и читателя какой-нибудь занятной историей.

— Пожалуй!

Спектаклю «Конармия» грозило закрытие. Мы — Рубен Николаевич Симонов, Вячеслав Шалевич, Алексей Кузнецов и я — сидели в полном унынии. И вдруг Симонов уходит в другую комнату, к телефону — звонит маршалу Буденному.

— Семен Михайлович, здравствуйте, это Симонов!

Что отвечает маршал, мы не слышим, но у режиссера голос набирает высоту: «Мы не то хотели сказать». Потом громче: «Вы неверно истолковали». Еще громче: «А вы спектакль хоть видели?». И наконец — уже на крике:

«Ну, знаете, вы — маршал в армии, а я — маршал в театре!».

Мы замерли. Возвращается, берет со стены гитару и начинает петь: «Валенки, валенки...». Мы переглядываемся: что? может, маршал сдался? А Симонов говорит: «Спектакль запретили», и продолжает петь.

Потом, правда, все обошлось, и «Конармию» мы играли долго...

Рубен Николаевич был удивительный человек. Он, например, мог на прогоне при гробовой тишине в зале хохотать до слез. Я его как-то спросил:

— Вы так смеетесь, чтобы меня поддержать?

— Нет! Я смеюсь потому, что в этом месте будет смеяться зритель.

Его предсказания всегда сбывались!

◇

Шел прогон спектакля «Стряпуха замужем». На сцене у бугра ссорились герои Юрия Яковлева и Николая Гриценко. Ругались, обзывались, постепенно все это переросло в драку, они сцепились, перекатились за бугор. И оттуда полетели сначала один пиджак, потом другой, затем рубашки и сапоги. Симонов смеялся громче всех. Просмотр закончился, артисты спустились в зал довольные: ну как же, мэтр смеялся! А он им сквозь слезы:

— Очень смешно! Но не пойдет.

И стал делать замечания.

◇

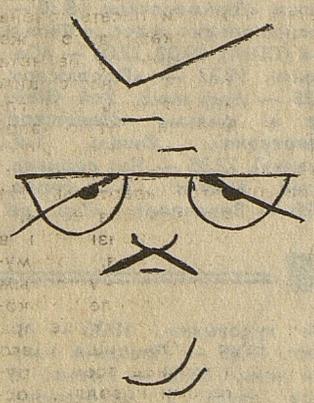
Борис Николаевич Ливанов и Рубен Николаевич Симонов ездили под Рождество с визитами. Ехали на санях, впереди кучер: спина широченная, как Спасские ворота, голова, как Царь-колокол, красный кушак. Валил снег. Вдруг Ливанов видит, что его друг рядом нет. Он стучит в эти

● Ю. Борисова.

● Е. Симонов.

● Ю. Яковлев.

● П. Фоменко.

● В. Лановой.

«Спасские ворота», просит остановиться, повернуть. А кучер в ответ: «Много вас тут ездит, ну выпал один...». Все же повернул обратно. А снег валом валит. Искали, искали, вдруг видят — из сугроба штилеты торчат. Ливанов с кучером стали доставать Симонова. А он спрашивает: «Что, уже кофе подают?».

Уж в театре было однажды поставлено весьма необычный «Гамлет». Полемический. До-

статочно сказать, что в главной роли выступал А. Горюнов. Зрители помнят его в роли инженера Карасика в старом фильме «Вратарь»; кругленький, толстенький, смешной. И вдруг — принц Датский. Да, так вот — в финале появляется Фортинбрас... на лошади! Представляете: сцена усеяна «трупями» — короля, королевы, Гамлета, Лаэрта... Чтобы всадник мог проехать, была оборудована специальная колея. В один из вечеров лошадь вдруг отклонилась от курса и пошла прямо на авансцену. На глазах изумленной публики только что заколотый Гамлет стал отползать. Его примеру последовали остальные «трупы». Уверен, ни один «Гамлет» так не кончался.

◇

В одном из спектаклей была сцена, в которой герои ели воблу. Реквизиторы ее принесли поштучно, согласно количеству участников. Как-то актеры сговорились и подшутили над одним из товарищей: ему воблы не хватило! Так и повелось: сколько он ни просил прекратить розыгрыш, на следующем спектакле опять сидел на сцене без воблы в окружении жующих коллег. В конце концов ему это надоело. И он спрятал лично для себя одну рыбку заранее. Где ему было знать, что коварные шутники подглядели. Начинается эпизод, все хватают рыбу, жуют, он сидит и улыбается: мол, ешьте, съешьте, потом встает и идет к своему тайнику... У него, у бедного, было такое выражение лица, что тут же дали занавес!

◇

В спектакле «Маленькие трагедии» я играл Сальери, а Любимов — Моцарта. Юрий Петрович, хоть и не был еще тогда режиссером, очень любил делать замечания после спектакля. Забавно, наверное, было бы послушать со стороны, как Моцарт объясняет, как правильнее его отравить.

◇

А Н. Гриценко играл Дон Гуана. Как-то на гастролях мы шли после спектакля где-то на окраине города мимо пруда. И Гриценко решил искупаться. Вокруг — ни души, он без опаски разделся — весь. И вдруг, откуда ни возьмись, — толпы народа. Оказывается, недалеко было предприятие закрытого типа». Кончилась смена, открыли ворота, и пошел народ.

Любимов стоял на берегу и зазывал:

— Товарищи, не проходите мимо, тут плавают «звезды»!

А Гриценко вопил: «Прекрати!» и уходил под воду. Потом выныривал, снова кричал: «Прекрати» и снова нырял...

◇

Артисты вообще любят розыгрыши, но иногда они участвуют в них невольно, сами того не желая. Мы были летом в Киеве на гастролях. Как-то в разговоре артист Гарри Дунц упомянул, что американцы утверждали, что наша земля скоро обледенеет, я ему возразил, и на этом разговор закончился. Через день я услышал подобный разговор в буфете, а еще через день неожиданно пошел град со снегом. Началась паника. Посыпались звонки в Москву. Абрикосов сказал, что он купит ящик коньяка и не замерзнет. Розыгрыш принимал глобальный характер.

◇

Как-то спрашиваю у Райкина:

— Аркадий Исаакович, говорят, что театр начинается с вешалки. А ведь все началось с того, что двое посидели в ресторане и затеяли театр МХАТ. Значит, все начинается с интриги?

— Да, согласился Райкин, интригой же и заканчивается.

Беседу вела Татьяна ПЕТРЕНКО.